

гейл форман

сестры
по благоразумию

Поразительная история, сшибающая с ног.

SEVENTEEN

«Сестры по благоразумию» – удивительно откровенный и одновременно жесткий роман, который напомним вам «Прерванную жизнь» Сюзанны Кейсер. И это первая книга, которую написала Гейл Форман, автор мирового бестселлера «Если я останусь».

Шестнадцатилетняя Брит оказывается в интернате для трудных подростков. Она не верит, что ее отец мог пойти на столь жуткий шаг – упечь единственную дочь в подобную дыру. Брит и так тяжело: мама исчезла, с мачехой отношения не сложились, в школе все идет кувырком. А тут еще интернат... Ей надо срочно выбираться! Помочь ей могут другие подростки – такие же одинокие девочки, с которыми можно не стыдиться себя и говорить о том, что по-настоящему волнует. Удастся ли Брит не только осуществить задуманное, но и сохранить дружбу?

Глава первая

По идее это должна была быть поездка на Гранд-Каньон, и в эту поездку у меня не имелось никакого желания ехать. Наступила середина лета, и жара стояла испепеляющая. В пустыне зной был такой, что я бы его точно не пережила, в особенности если бы два дня провела в машине с отцом и мачехой. Мачеха постоянно чем-то недовольна. Ее не устраивает моя прическа и то, что у меня крашенные волосы. Они розовые с черными прядями или черные с розовыми прядями, назовите их так, как вам больше нравится. Еще мачехе не по душе мои татуировки: кельтский узор вокруг запястья, венки ромашек вокруг лодыжки и сердце там, где она его точно не увидит. Мачеха говорит, что я плохо влияю на моего единокровного брата Билли, который, елки-палки, еще маленький ребенок и, даже если и замечает мои татуировки, то думает, будто это рисунки из комикса. Были длинные выходные на День труда^[1], последние дни свободы перед началом нового учебного года. Перспективы моего предпоследнего года обучения в школе, кажется, выглядели вполне радужными. Я играла в рок-группе под названием Clod, и мы должны были выступать на фестивале инди-групп «Бабье лето» или на вечеринке альтернативной музыки в «Олимпии» вместе с другими серьезными и известными артистами, у которых имелись контракты на звукозапись с приличными лейблами. Это было большим успехом для нашей группы, которая до этого выступала только на частных вечеринках и в кафе. Но, понятное дело, мачехе этого не понять. Она уверена, что я играю в панк-группе сатанистов, и поэтому после рождения моего брата Билли запретила нам проводить репетиции в подвале нашего дома, чтобы мы, не дай бог, не сбили младенца с пути истинного. Теперь мы репетируем в подвале дома, в котором живет Джек, что мачеха, конечно, тоже не одобряет, ибо – представьте себе, какой ужас! – Джеду уже девятнадцать и он живет не с родителями, а с какими-то непонятными людьми.

Поэтому я вежливо отказалась от поездки на Гранд-Каньон. Ну, может, не так уж и вежливо, потому что точная формулировка моего отказа была довольно категоричной: «Я скорее стекло буду есть, чем с вами поеду!» Услышав мой ответ, мачеха бросилась к отцу, который усталым тоном спросил, почему я так грублю. Я рассказала о намечавшемся концерте. Раньше отец очень любил музыку, но это было давно. Он снял очки, потер переносицу и заявил, что вопрос поездки не обсуждается. Мы, мол, поедем всей семьей. Но я не собиралась сдаваться. Я закатила им по полной программе – рыдала, молчала как рыба и перебила массу тарелок. Ничего не помогало. Мачеха наотрез отказалась идти на уступки. Получалось, что я против не только нее, но и отца, а с ним мне всегда было сложно спорить, поэтому я в конце концов сдалась.

Я рассказала о «семейных» планах музыкантам моей группы. Наш вечно укуренный барабанщик Эрик сказал: «Ну, блин, облом!» Денис и Джек очень расстроились.

– Мы так долго вкалывали, чтобы этого добиться, – грустно произнес Джек. – И ты так много работала!

Он был совершенно прав. Три года до этого я не была в состоянии отличить ноту си от ноты фа, а сейчас нас позвали играть на мощном концерте с серьезными и уважаемыми исполнителями. Получалось, нашей группе придется выступать на фестивале «Бабье лето» в составе трех человек. У меня чуть депрессия не началась от того, что не удастся выступить со всеми, хотя мне немного льстило то, каким Джек стал грустным, когда понял: меня с ним

на сцене не будет.

Я должна была почувствовать, что что-то не так, когда утром в пятницу около трэш-мобиля – микроавтобуса омерзительного коричневого цвета, который купили по настоянию мачехи после рождения Билли, увидела только отца. Ни мачехи, ни Билли не было рядом.

– Бог ты мой, всегда она опаздывает! Разве ей не известно, что пунктуальность – это одна из форм самоконтроля? – спросила я.

– Спасибо за бесплатную сессию психоанализа, Брит, но твоя мать с нами не поедет.

– Она не моя мать, и ты об этом прекрасно знаешь! Ты же говорил, у нас семейное путешествие, и именно поэтому я должна ехать. Из-за этого я пропускаю важный концерт. Если она не едет, то я тоже остаюсь.

– Это семейное путешествие, – ответил отец и положил чемодан в багажник, – но два дня в машине Билли не выдержит. Они летят на самолете, и мы встретимся с ними на Гранд-Каньоне.

Я точно должна была заподозрить, что что-то не так, когда отец предложил остановиться в Лас-Вегасе. Если бы мама была жива, мы бы обязательно поехали в Вегас, а потом добрались и до Сан-Франциско. Помню, как однажды, когда стояла такая несусветная жара, что невозможно было спать, мы забросили в багажник спальники и поехали в горы. Но это случилось давно, время ушло навсегда, и с тех пор папа сильно изменился. Мачехе удалось убедить его в том, что спонтанность – это форма безответственности.

Папа купил мне обед в ресторане с видом на искусственные каналы Белладжио и даже пошутил по поводу внешнего вида некоторых туристов. Потом мы пошли в казино в центре города. Папа сказал, что никто не заподозрит, что мне всего шестнадцать, и дал двадцать долларов для того, чтобы я поиграла в автоматы. «Что ж, – подумала я, – может, все это путешествие окажется не таким страшным, как я предполагала». Но потом, играя в автоматы, я покосилась на стоящего в сторонке отца и поразились тому, какой грустный и безучастный был у него вид. Казалось, кто-то пылесосом высосал из него душу. Папа даже нисколько не обрадовался тому, что я выиграла тридцать пять долларов, которые он сразу забрал, сказав, что сохранит их и отдаст потом. Это было еще одним плохим сигналом, на который я тогда, увы, не обратила внимания. Я потеряла бдительность и решила, будто мы с отцом наконец-то снова весело проводим время, чего, кстати, давненько с нами не случалось.

После того как мы выехали из Вегаса, папа сильно помрачнел. Я почему-то подумала: «Таким мрачным он был, когда дела мамы стали совсем плохи». Я видела жуткое: он так сильно вцепился в руль, что костяшки рук побелели. Я начала думать о том, в чем причина такого странного поведения, отвлеклась и даже не обратила внимания на то, что мы едем не на восток в сторону Каньона, а повернули на север в Юту. Мимо окна автомобиля проплывали красные горы и скалы самых замысловатых форм, и мне казалось, будто, судя по рельефу, мы приближаемся к Гранд-Каньону. Когда на закате солнца мы остановились в небольшом городке, я подумала: «Заночевать придется в каком-нибудь дешевом мотеле». Собственно говоря, здание академии Ред-Рок можно было принять за дешевый мотель без вывески. Это было Т-образное двухэтажное заведение с оштукатуренными стенами. Правда, Ред-Рок оказался огорожен забором из сетки с колючей проволокой, перед зданием не было бассейна, и вместо деревьев на утоптанной площадке лежала груда шлакоблоков. По территории перед зданием бродили два мускулистых, как гориллы, охранника, похожих на неандертальцев.

- Куда мы приехали? – спросила я настороженным тоном.
- Это школа, которую я хотел тебе показать.
- Типа колледж? А не рано ли мы о колледже задумались? Мне еще два года учиться...
- Ну, это не совсем колледж, скорее интернат.
- Для кого?
- Для тебя.
- Ты решил отправить меня в интернат?!
- Никто никуда тебя не собирается отправлять. Мы просто посмотрим на это место.
- А какой смысл? Я на следующей неделе начинаю занятия в школе. В той, в которую я хожу дома.

– В этом-то и смысл, дорогая. Ты последнее время не очень хорошо учишься.

– Перестань! У меня пара троек, ну и что из этого? Это ж не конец света.

Папа потер виски кончиками пальцев.

– Проблема не в том, что у тебя пара троек... Брит, мне сложно, и я не могу избавиться от мысли, словно ты уже не член нашей семьи. Ты очень сильно изменилась и перестала быть на себя похожа. Я хочу, чтобы этим вопросом занялись специалисты... – промямлил папа и замолк.

– Ничего себе! Так ты хочешь, чтобы я ходила в эту «школу»? Прямо так, резко?

– Мы только посмотрим, что это за место, – повторил отец.

Папа никогда не умел врать. Его руки дрожали, а щеки покраснели. Волосы на руках встали дыбом. Я поняла: он недоговаривает и рассказывает мне сказку про царя-колбаску и что-то совсем не так, как оно есть на самом деле.

– Черт возьми, пап, что происходит?! – закричала я и открыла дверцу машины. Сердце забилось нереально быстро, казалось, сейчас оно вылетит из груди. Двое неандертальцев быстро подбежали ко мне, заломили назад руки и потащили в сторону от машины.

– Папа, что происходит?! Что они делают?!

– Пожалуйста, полегче, полегче с ней, – умоляющим тоном бормотал отец двум качкам. Потом он посмотрел на меня: – Дорогая, все это для твоего блага.

– Папа, да что они себе позволяют?! – визжала я. – Куда они меня тащат?

– Все это для твоего блага, дорогая, – повторил отец, и по тону голоса я поняла: он плачет. Что, в общем-то, испугало еще сильнее.

Меня затолкали в небольшую душную комнату и заперли за мной дверь. Икая и плача, я ждала, когда отец поймет, что совершил большую ошибку, и заберет меня отсюда. Но этого не произошло. Папа эмоционально поговорил в коридоре с какой-то женщиной. Потом я услышала, как завели машину, а затем звук мотора стал удаляться и вскоре совсем исчез. Я снова начала кричать и плакать. Слезы смешались с соплями и слюнями. Несмотря на то что я громко рыдала, никто за мной не приходил. Я плакала до тех пор, пока не заснула. Когда, наверное, через час проснулась, то начисто забыла, где я. А потом вздрогнула от испуга и четко поняла, почему меня здесь заперли. Из-за мачехи. Это ее рук дело. Я так люто ее возненавидела, что чувства страха и грусти отошли на второй план. И только после этого я ощутила глубокое разочарование. Потому что, несмотря ни на что, я очень сильно хотела попасть на этот чертов Гранд-Каньон.

Глава вторая

– Оппозиционно-вызывающее расстройство (ОВР).

В Ред-Роке был свой психоаналитик, который и утверждал, что у меня ОВР. Мы сидели в ее темном офисе, стены которого украшали идиотские плакаты, судя по всему, способные кого-то и как-то мотивировать. На одном из них был изображен косяк летящих гусей и красовался слоган: «Когда у тебя готов план, ты далеко пойдешь». Это был очень странный плакат. Учítывая то, что у меня отобрали одежду и обувь, я точно никуда не уйду и не убегу. Я сидела в пижаме и тапках. Причем происходило все это днем.

Женщина-психоаналитик читала что-то занудное и заунывное из большой книги, в которой, судя по всему, хранились все секреты человеческого ума.

– Часто выходит из себя, спорит со взрослыми, активно противодействует родительской воле и отказывается выполнять правила или указания старших, а также сознательно раздражает окружающих. В собственных ошибках винит других, часто злится, возмущается, нередко бывает мстительной, язвит...

– Тебе такое поведение знакомо, правда? – спросила женщина. Психоаналитик выглядела как одна из первых переселенок. Она была худой, с каштанового цвета волосами, одета в блузку с высоким воротником и кружевами, несмотря на то что в комнате стояла жара, как в мартеновской печи, и работавший на полную мощность кондиционер не спасал.

Как вы можете представить, я уже сильно обалдела от всего, что к тому времени успело со мной произойти. Всю ночь я не спала, а потом пришли мордовороты и отвели меня к медсестре, тоже достаточно мощного телосложения. Я тут же назвала ее про себя Хельгой. Эта Хельга конфисковала мой Айпад и все мои украшения, включая кольцо из пирсинга в пупке. Она не стала слушать возражения, мол, дырка зарастет, если кольцо вынуть. Хельга положила мои вещи в конверт и строго приказала раздеться. Потом она надела резиновые перчатки, ощупала мои подмышки и осмотрела рот. После этого она приказала мне нагнуться и исследовала меня *там* – спереди и сзади. До этого я никогда не была на приеме у гинеколога, поэтому от такого отношения сначала потеряла дар речи, а потом начала плакать. Хельга даже не предложила мне салфетку. Она тщательно меня обыскала, судя по всему, на предмет наркотиков, хотя я их не употребляю. От алкоголя меня рвет, а от травы я становлюсь сонной и замедленной.

Вот что со мной произошло до того, как тем утром я встретила с доктором Клейтон, которая и сообщила: у меня оппозиционно-вызывающее расстройство. После ее описания болезни мне показалось, что этим недугом страдают все подростки.

– Видимо, информацию обо мне вы получили от мачехи, – ответила я психоаналитику. Та улыбнулась и что-то записала на листке бумаги.

– Суммируя вышесказанное, – сказала она, – у тебя плохие оценки в школе. Ты часто прогуливаешь. Ночами не спишь, а болтаешься неизвестно где. А когда появляешься дома, то настроение у тебя самое отвратительное.

– Не совсем так, – заметила я. – Я прихожу поздно из-за наших выступлений. Мы пока еще не самая известная группа на свете, поэтому в лайн-апе идем в самом конце, где-нибудь часа в два ночи. Пока сыграли, упаковались, вот уже и пять утра. Так что не надо говорить, будто я всю ночь веселюсь.

Доктор Клейтон бросила на меня неодобрительный взгляд и сделала очередную пометку

в блокноте.

– Ты относишься к своему телу как к помойке и делаешь на нем татуировки. Грубишь мачехе, плохо влияешь на брата и игнорируешь учителей. Кроме этого, у тебя остались некоторые нерешенные вопросы с собственной матерью.

– Не смейте говорить про мою мать! – прорычала я и сама удивилась силе эмоции, прозвучавшей в моем голосе. Как только она упомянула маму, я почувствовала, что у меня на глазах выступили слезы. Я несколько раз моргнула, чтобы их скрыть, и добавила: – Вы не имеете никакого права о ней говорить.

– Понятно, – произнесла психоаналитик и добавила пару слов к своим записям. – Ну что ж, перейдем к правилам нашего учреждения? – немного нараспев произнесла она, словно мы играли в какую-то захватывающую игру. – У нас действует система поощрений и наказаний. Для оценки воспитанниц существуют уровни. Ты новенькая и начнешь на Первом уровне. Это уровень, на котором мы осуществляем предварительную оценку поведения, чтобы понять, с какими трудностями в работе с тобой сотрудники могут столкнуться. Так что продемонстрируй нам свой потенциал. На Первом уровне у тебя будет минимум привилегий. Ты не имеешь права выходить на улицу и все время будешь находиться в своей комнате. Учиться и есть ты сможешь там же. Выходить из комнаты разрешается только в туалет и на сессии с психоаналитиком. Чтобы ты себя не порезала и не нанесла себе вреда, за тобой будет установлено постоянное наблюдение. После того как мы убедимся в том, что ты не совершишь побег и готова над собой работать, ты перейдешь на Второй уровень. На этом уровне тебе вернут обувь. Ты сможешь есть в столовой и посещать групповые занятия с психотерапевтом. Ты сможешь получать письма от членов семьи, если это разрешат сотрудники учебного заведения. На Третьем уровне твоя жизнь станет еще веселее и лучше. Тебя переведут в общежитие, ты начнешь ходить в школу, тебе разрешат переписываться и получать письма от членов семьи. Ты будешь участвовать в большем количестве мероприятий. На Четвертом уровне ты сможешь пользоваться косметикой и разговаривать, точнее принимать звонки по телефону от людей, предварительно одобренных нашими сотрудниками. На Пятом уровне тебя смогут навещать члены семьи и ты будешь участвовать в групповых выездах в город, например, на просмотр фильма или в боулинг. И, наконец, самый последний уровень – Шестой. На этом уровне ты сможешь сама вести групповые занятия, курировать учениц и выходить за территорию школы. После окончания Шестого уровня ты в праве вернуться домой, но до этого пока еще надо дожить. Чтобы выйти на Шестой уровень, могут потребоваться месяцы, а то и годы. В этом смысле очень многое зависит от тебя самой. Если ты начнешь себя плохо вести или станешь отказываться присутствовать на терапевтических сессиях, тебя могут понизить на один или два уровня. В случае серьезных нарушений тебя опустят до Первого уровня.

Последнюю фразу психоаналитик проговорила с улыбкой. Было видно: она получает от своих слов удовольствие.

Глава третья

Через четыре дня изоляции в Ред-Роке я заметила, что у меня под мышкой начало куститься. Согласно распорядкам заведения всем ученицам, не достигшим Пятого уровня, запрещалось иметь одноразовые бритвы. Я не очень понимала причину такого запрета. Я никогда не слышала, чтобы какая-нибудь девочка умудрилась себя смертельно порезать пластиковой женской бритвой. Когда меня под присмотром надзирательницы отвели помыться в душ, то выдали только бутылку детского шампуня. Эта женщина все время за мной наблюдала. Расчесок или гребешков тоже не полагалось. Только на Третьем уровне разрешалось пользоваться электрическими эпиляторами и бритвами. Судя по всему, руководство заведения не боялось, что кто-нибудь умрет от короткого замыкания.

На Первом уровне за мной всегда кто-то наблюдал. Даже когда я ходила в туалет. По ночам меня «пасли» охранники, а днем их место занимали постоянно менявшиеся ученицы Шестого уровня. Некоторые из них держались очень высокомерно и заносчиво, демонстрируя, что между нами есть огромная разница. Некоторые снисходительно пичкали меня агитками и распинались по поводу преимуществ программы обучения и воспитания. Последних я ненавидела еще сильнее, чем первых.

В Ред-Роке я неоднократно вспоминала о содержащихся в зоопарках животных и жалела их, ведь мы были похожи. Мне разрешали читать только школьные учебники по геометрии, которые я уже прошла в прошлом году. В общем, было просто смертельно скучно.

Первую терапевтическую сессию со мной вела не доктор Клейтон, а директор интерната, красавец-ковбой по имени Бад Остин.

– Можешь звать меня просто Шериф, – сказал он. – Я раньше был полицейским, а теперь занимаюсь молодым и непослушным поколением – вот такими, как ты, – он рассмеялся.

Шериф приперся ко мне в первый день моего пребывания в Ред-Роке, с грохотом затащив в комнату железный раскладной стул. Бад был высоким, черноволосым и с густыми усами. Одет он был в джинсы, которые, казалось, ему на размер маловаты. На поясе джинсов у него болталась массивная связка ключей, а из-под завернутых отворотов штанов виднелись пижонские сапоги из змеиной кожи.

– Позволь раскрыть тебе одну тайну, – вещал ковбой-директор доверительным тоном, который показался мне абсолютно фальшивым и наигранным, – вначале ты, вполне возможно, будешь меня ненавидеть. Так происходит с большинством девушек. Но, поверь, в один прекрасный день, когда ты вырастешь, то поймешь, Ред-Рок – это лучшее, что было в твоей жизни, и я окажусь одним из самых важных людей этого периода. Черт подери, после ты даже можешь пригласить меня на свою свадьбу!

«Что-что? – подумала я. – Что он несет? Мне всего шестнадцать!»

– Я думаю, твои родители немного расслабились и потеряли контроль, – продолжал Шериф. – Именно поэтому так много девушек отбивается от рук. Им просто не хватает внимания и дисциплины. И именно ее мы в состоянии обеспечить. Вот поэтому, красавица (как потом выяснилось, он называл всех девушек или «красавицей», или исключительно по фамилии), мы займемся твоим воспитанием и приведем твою жизнь в порядок. Мы изменим твоё отношение к людям, искореним неправильные привычки и привьем тебе привычки правильные. В общем, твоя жизнь изменится к лучшему. Мы тебя любим, хотя ты можешь

думать, что это не так.

На следующее утро Шериф снова появился в моей маленькой комнатухе вместе со своим раскладным стулом.

– Ну что, красавица, – голосил он. – Ты готова взглянуть на себя?

Я сочла его вопрос верхом идиотизма. Что он имеет в виду под словами «взглянуть на себя»? За кого он меня принимает?

– Для того чтобы «взглянуть на себя», нужно, по меньшей мере, зеркало. Но легко бьющиеся предметы в вашем заведении таким психопаткам, как я, точно не дают.

Шериф встал, сложил стул, вышел из комнаты и закрыл за собой дверь. Но он приперся и на следующее утро со словами: «Ну что, готова взглянуть на себя?»

– Идите вы к черту, – ответила я.

На третий день он опять появился со стулом и тем же самым вопросом. Я хотела показать ему средний палец, но сдержалась и ничего не ответила. Тогда Шериф прочитал философскую лекцию – в жизни есть два пути: простой и сложный. Меня так и подмывало громко рассмеяться, потому что было видно – он врет, но при этом мне очень хотелось и плакать, потому что этот кретин оказался здесь самым главным.

Я постаралась сдержать эмоции и не демонстрировать свои чувства ни ему, ни Хельге, ни мачехе, ни всем полным дурам Шестого уровня, этим «шестеркам», как я их прозвала. Я не хотела им показывать правду – мне плохо! Но когда свет в моей комнате тушили и дверь запирали на ночь, я плакала так долго, что вся подушка становилась мокрой.

После пятого визита Шерифа я заметила кое-что: волосы под мышками отрасли настолько, что их можно заплетать в косички. Вскоре после Шерифа в мою комнату вошла одна из «шестерок». Это была высокая девица с угловатым лицом и светлыми, немытыми волосами. У нее были довольно замысловатая стрижка и волосы с прядями разной длины. «Может, «шестерки» имеют право ходить к парикмахеру?» – подумала я.

– Слушай, Брит, – произнесла девушка с нетерпением, с которым учителя обычно обращаются к самым тупым и отстающим ученикам, – тебя ведь так зовут, верно? Если нравится ходить в пижаме и сидеть в «одиночке» – это одно дело, а если не нравится, то завязывай в бунтаря играть. Здесь этим никого не удивишь и не испугаешь.

– Я не понимаю, о чем ты.

– Перестань. Просто ответь Шерифу, будто готова на себя посмотреть. И ты сразу же попадешь на Второй уровень.

– Прямо так?

Она покачала головой.

– Меня реально не очень радует сидеть здесь и тебя сторожить. Поверь, есть занятия гораздо интересней. Просто ответь ему, что готова на себя посмотреть. Не имеет никакого значения, правда это или нет. Сделай всем нам одолжение и забудь про свою группу и никому не нужную гордость.

И, скажу вам, это был один из самых полезных советов, который я услышала в Ред-Роке.

Глава четвертая

- Ты – пьянь.
- Ты – путана.
- Шлюха, шлюха, шлюха.

Я была в Ред-Роке уже три недели и вот теперь вместе с двадцатью другими девочками находилась на терапевтической сессии, которая проходила в огромной комнате с грязными окнами и старыми мотивирующими плакатами. Моим любимым плакатом стал тот, на котором была изображена кошка, сидящая на дереве. Слоган следующий: «Она может потому, что думает, что может». Черт возьми, ошибочка вышла – она может потому, что у нее есть когти. В этой комнате не было мебели, лежали только синие гимнастические маты. Наверное, руководство боялось, что мы начнем стульями швыряться. Как и все остальные девочки, я была одета в шорты цвета хаки и поло с логотипом Ред-Рок. Я была совершенно убеждена: этот наряд является самым страшным наказанием всем модницам. Мы стояли полукругом, в центре которого находилась девушка по имени Шэнон, вид у которой был самый затравленный, и она вздрагивала после каждой фразы, которую слышала. Сессию вели «шестерка» по имени Лиза и воспитательница по имени Диерде.

– Говорите то, что думаете про нее, – подбадривали они воспитанниц. – Спросите, почему она себя не уважает, почему спит с кем попало.

Это была сессия так называемой конфронтационной терапии. Предполагалось, это упражнение должно заставить учениц задуматься и осознать свои ошибки, хотя мне казалось, что главный смысл его только в том, чтобы вынудить человека расплакаться. Именно после того, как человек расплакался, упражнение заканчивалось и несчастному разрешали выйти из центра круга, чтобы «обдумать» все сказанное, а также и то, как неправильно он до этого жил. Сокращенно занятие называлось КТ, оно собирало большое количество людей и со стороны чем-то напоминало гладиаторские бои. Тот, кто побывал в центре круга, становился потом только злее, когда оказывался в безопасности по другую сторону баррикад. Та девушка, которая обзывала Шэнон шлюхой, была в центре круга на прошлой неделе. Ее звали Шаной, и она слишком много ела. Неделю назад, стоя у всех на виду, она горько расплакалась, после чего каждый из нас ее по очереди обнял.

Я очень быстро осознала, что КТ является квинтэссенцией системы «воспитания», принятой в Ред-Роке. Оппозиционно-вызывающее расстройство, или ОВР, здесь лечили очень просто – надо смешивать человека с грязью и насмехаться над ним до тех пор, пока он не сломается. Я была тогда на Втором уровне и часто ходила на сессии КТ. Со мной проводил индивидуальные беседы Шериф или какой-нибудь другой сотрудник учреждения, и раз в неделю у меня случалась встреча с доктором Клейтон, которая говорила о том, как мне необходимо пропить курс антидепрессантов. У меня действительно была лютая депрессия от того, что я находилась в Ред-Роке. Все остальное время я проводила в своей комнате за учебниками. Я не имела права писать и получать письма от отца. Это могли делать только ученицы Третьего уровня, которым разрешалось ходить в школу.

– Брит, верно? – спросила «шестерка», научившая меня в свое время тому, как можно попасть на Второй уровень. Это была высоченного роста девица. Обращаясь ко мне, она держала себя так, словно говорит с умственно отсталым человеком. Я к тому времени просто ненавидела всех «шестерок» – считала их снобами.

– Кажется, мы уже разобрались с вопросом, как меня зовут, – ответила я.

Она вопросительно приподняла брови.

– Значит, Брит, так. Раскрывай рот, как будто ты говоришь.

– Что?

– Рот почаще раскрывай и делай вид, что что-то говоришь.

– Что?

– Перестань дурака валять! Ты меня понимаешь или просто тупая? Ты должна «принимать участие в процессе», – «шестерка» шептала, но ее шепот звучал как приказ.

– Я эту девчонку совсем не знаю, что я ей могу сказать?

– Не тупи! Рот открывай и делай вид, что говоришь! Иначе у тебя будут проблемы. Понятно?

Я не успела ответить, как она отошла от меня, «громким» голосом произнося оскорбления в адрес стоящей в центре девушки. Причем если внимательно присмотреться и прислушаться, то было заметно, что она просто открывает рот, но ничего не произносит.

– Странная девушка, – решила я. Может, она хочет за счет меня заработать дополнительные бонусы? В Ред-Роке можно было подниматься по социальной лестнице, «подсигивая» окружающих и занимаясь стукачеством. Но девушка давала мне довольно странный совет, который я не ожидала услышать. «Она мне уже один раз помогла, – подумала я, – так что, может, и на этот раз посоветовала что-то дельное?» И действительно, ее совет мне очень помог. Я начала открывать рот, делая вид, что выкрикиваю обвинения в адрес несчастной жертвы в центре круга, и мое поведение заметили и оценили. Один из ведущих сессию сотрудников учреждения похлопал меня по плечу и порадовался, что «процесс пошел» и я начинаю показывать хорошие результаты. Когда я в следующий раз пришла на встречу с доктором Клейтон, то сказала, что наконец «решила разобраться со своими демонами» и «начинаю понимать смысл лечения». Меня перевели на Третий уровень, и я стала ходить в школу, находящуюся в комнате без окон. В этой комнате стояло несколько столов, ученицы за ними занимались самообразованием. Рядом наблюдали охранники, вид у которых был такой дремучий, что, казалось, они не были в состоянии даже написать свое собственное имя. Из камеры-одиночки меня перевели в комнату в общежитии, в которой я жила вместе с тремя девушками: толстушкой Мартой, мажорной Биби и булимичной блондинкой Тиффани, у которой были постоянные перепады настроения – она или веселилась, или рыдала.

Когда мы не учились в школе, не ели и не находились на терапевтических сессиях, то занимались физическим трудом, или трудотерапией, – перетаскивали почти трехкилограммовые шлакоблоки из огромной кучи мусора во дворе к забору. Трудотерапия обычно продолжалась четыре часа и проходила в середине дня, когда солнце было самым испепеляющим. Можно подумать, что это чистое издевательство, но на самом деле все это было не так страшно, как может показаться. Понятное дело, с непривычки болело все тело, и мы работали без перчаток, поэтому «убивали» себе руки, на которых появлялись мозоли. От работы на солнце постоянно хотелось пить, но пить и ходить в туалет разрешали только раз в час в отведенное для этого время. Однако из-за жары сторожившие нас «шестерки» прятались в тени, и все мы могли спокойно пообщаться и поговорить.

– Кошмар какой, – жаловалась Биби. – Мои бедные ручки! У меня раньше были такие красивые ногти...

– Да перестань, Родео Драйв! – ответила ей стоявшая рядом девчонка с Четверного

уровня.

– Послушай, доярка, я тебе уже не один раз говорила, Родео Драйв, где шопятся все тупоголовые туристы, находится в Беверли-Хиллз. Я в Беверли-Хиллз не живу, я живу в районе Пасифик-Пэлисейдс^[2]. Так что заткнись и помалкивай.

Все звали Биби Родео Драйв. Наверное, ей завидовали, потому что у нее были длинные блестящие черные волосы и голубые глаза. Ее мать, Маргарита Ховард, была известной актрисой, снимавшейся в сериалах. Я уже два дня как переселилась в комнату, в которой жила Биби, но та еще ни разу не удостоила меня хотя бы словом. Я не собиралась встречать в их разговор. Но, оказалось, Биби не прочь и со мной поговорить.

– Ты откуда? – спросила она меня.

– Из Портленда, штат Орегон.

– А-а-а-а, я там была. Постоянный дождь, и люди ходят в очень некрасивой фланелевой ткани.

Я люблю Портленд и не собираюсь давать его в обиду выходцам из Лос-Анджелеса, но должна признать: Биби права и люди там действительно часто ходят в одежде из фланелевой ткани. Но вопрос о том, нравится человеку фланель или нет, – дело глубоко личное.

– За что тебя сюда упекли? – уточнила она.

– Понятия не имею.

– Ой, перестань! Ты, дорогая, точно должна знать, за что оказалась здесь. Может, у тебя булимия? Или спишь с кем попало? Или любишь себя резать? – поинтересовалась она.

– Точно не из этого списка.

– Ну, хорошо. У тебя длинные волосы и татуировки. Вполне возможно, ты или художник, или музыкант.

– Музыкант, – ответила я, удивляясь тому, как она быстро и правильно угадала, – а мама моя, кстати, была художницей.

– Героин? Амфетамин?

– Нет, это не моя тема. Я просто играю в группе, у меня розовые волосы и сумасшедшая мачеха.

– Ааа, вот оно что! Слышали, у нас Золушка появилась? – крикнула она остальным девочкам и снова повернулась ко мне. – Просто сказка Уолта Диснея. И какой диагноз тебе поставила Клейтон?

– Что-то связанное со словом «оппозиционный».

– Оппозиционно-вызывающее расстройство, сокращенно ОВР, – из-за моей спины раздался уверенный голос. Я обернулась и увидела ту самую «шестерку», которая дала мне пару хороших советов. – Поверь, нам всем эту болезнь приписывают. А в чем ты провинилась?

– Понятия не имею.

«Шестерка» вздохнула.

– Новенькая, слушай и запоминай. Всех, кто здесь находится, можно разделить на пять категорий. Во-первых, те, кто употребляет. Что-нибудь легкое: экстази закидывается или траву курит. Серьезных случаев тут быть не может потому, что из лечения – только встречи наподобие Анонимных Алкоголиков, и то раз в неделю. Во-вторых, сексуально озабоченные – это те, кто любит потрахаться, и лесбиянки. Вон, видишь Кейси, – «шестерка» показала на девочку с рыжими волосами и веснушками, – вот она здесь по лесбийской теме, а Биби – за то, что спит с кем ни попадя. Ее застукали с парнем, который работает спасателем в

бассейне.

– Дорогая Вирджиния, не надо искажать факты, – сказала Биби, встряхнув копной чудесных волос. – Я с мексиканцем спала. Вот это-то моим родителям и не понравилось. Так что я здесь за неуважение классовых различий и границ.

– Ты у нас прямо Карл Маркс какой-то. Кстати, я тебе не Вирджиния, меня зовут просто Ви.

– Дорогая, для твоего сведения, Ви – это не имя, а буква.

– А Биби^[3] – это две буквы. Что ты мне хочешь доказать?.. Так вот, на чем же я остановилась? Ах да, на тех, у кого есть проблемы с едой. Главным образом здесь те, у кого булимия в самой легкой форме. В Ред-Рок никогда не возьмут людей, серьезно больных булимией, потому что им требуется квалифицированная медицинская помощь, а не бред сивой кобылы, который тут выдают за терапию. Ты, например, в курсе, что из всех сотрудников только у Клейтон есть корочка о высшем образовании? Но на самом деле и она не психоаналитик, а обычный врач-терапевт, который имеет право выписывать простые таблетки. Так что среди нас есть немного девчонок, которые время от времени блюют, чтобы избавиться от пищи, и сидят на диете. Кроме этого, здесь живут и девушки с лишним весом, но их отправили сюда только потому, что их родители сочли, будто Ред-Рок – учреждение более солидное, чем лагерь для девиц, которые хотят похудеть.

– Вот наша с тобой соседка по комнате Марта, например, – заметила Биби. – Она из этой категории.

– Совершенно верно, – продолжала Ви. – Потом у нас есть несколько человек, которые себя резали. Ну, эти, как их... которые членовредительством занимаются. Имеются и мелкие воришки – кстати, kleptomанов здесь вполне достаточно, – и те, кто периодически из дома убегает. Ну и, наконец, девчата с суицидальными наклонностями.

– Как наша прекрасная Вирджиния, – сказала Биби.

– Неужели? Ты хотела покончить жизнь самоубийством?! – спросила я.

– Нет. Если бы я действительно совершила попытку, меня бы в Ред-Рок не взяли, потому что побоялись бы со мной связываться. Но моя мать испугалась из-за фигни и отправила меня сюда. И вот я здесь уже почти полтора года.

– Значит Ви означает «ветеран», – произнесла Биби.

– Нет, Ви – это первая буква в моем имени Вирджиния, а еще оно означает победу и ведьму.

– Какая же ты плохая девочка, просто удивительно, – произнесла Биби и наигранно зевнула.

– Сарказм не поможет наладить хорошие отношения с людьми, – ответила ей Ви и, повернувшись ко мне, добавила: – Ты это запомни, потому что в Ред-Роке пригодится. В общем, я сейчас на Шестом уровне и собираюсь до Рождества вернуться домой.

– А где твой дом?

– На Манхэттене.

– Девушки, заканчиваем трепаться и принимаемся за работу, – прикрикнул на нас один из воспитателей Ред-Рока, читавший на веранде газету.

– Было бы неплохо, если бы эти козлы давали нам средство от загара, – тихо сказала Биби. – Когда мне придется ботокс колоть, я им выставлю за него счет.

– Эй, – крикнула я охранникам, – мы закончили все перетаскивать!

Все шлакоблоки были аккуратно сложены в форме невысокой стены. Биби и Ви

посмотрели на меня и рассмеялись.

– Да, мы закончили строить из них стену, а теперь будем ее ломать, – сказала Ви.

– Цель этого упражнения в том, чтобы показать – наше существование является совершенно бессмысленным, – заметила Биби. – Прекрасный пример извращенной логики Ред-Рока.

Вечером в нашей комнате я спросила Биби о том, в каких сериалах снималась ее мать. Та нахмурилась, отвернулась от меня и ничего не ответила, словно я задала невежливый или излишне личный вопрос. Я не могла понять ни ее, ни Ви. Они то нормально ко мне относились, то были холодны как лед. Я решила держаться от них подальше и заниматься своими делами, потому что после того, как Биби проигнорировала мой вопрос, я почувствовала себя чуть ли не хуже, чем когда впервые под наблюдением охранников принимала душ в Ред-Роке. В ту ночь я даже немного поплакала в подушку, чего со мной уже несколько недель не случалось. На следующее утро в кармане шорт я нашла записку следующего содержания:

«Золушка, здесь у стен есть глаза (не замечала камеры?) и уши (много не болтай в присутствии Тиффани). В Ред-Роке принято друг на друга «стучать». Поэтому помалкивай в здании. Говорить можно только на улице во время работы. Твоя Биби».

Я скомкала записку и улыбнулась. Значит, у меня все-таки есть друзья, которые «прикроют».

Когда я была маленькой, у меня возникло чувство уверенности в том, что меня всегда «прикроют». Но я даже представить себе не могла то, что в подростковом возрасте меня отправят в интернат. Несколько лет назад я еще жила в семье, где все любили друг друга, где было весело и интересно, но не теперь.

Мои родители встретились на концерте U2. Папа был роуди, то есть работником, занимающимся погрузкой, выгрузкой и установкой аппаратуры во время гастролей. Однажды, в ходе одного из концертов Боно вытащил мою маму танцевать на сцену. Многие девушки мечтали о том, чтобы солист вытащил на сцену именно их, но удостоилась этого только моя удивительная мама. Она буквально светилась позитивной энергией, была той женщиной, с которой хотелось находиться рядом. Я понимаю, на концертах встречается много одухотворенных девушек, чувствующих себя на седьмом небе от счастья, которое дает им хорошая музыка, но моя мама была особенной. В тот вечер она осталась на вечеринку U2, встретила на ней отца и поцеловала его. Я уверена, после этого он мгновенно в нее влюбился.

Они вместе путешествовали по Европе и Африке. Мама зарабатывала продажей своих картин. Они поженились на вершине горы в Марокко, и мама забеременела мной в лондонском отеле на Портобелло-Роуд. Именно поэтому меня зовут Брит^[4] (между прочим, мое второе имя – Пол, то есть настоящее, а не сценическое имя Боно). Потом отец с матерью переехали в Портленд и купили дом-развалюху на Сэлмон-стрит, в котором открыли художественную галерею-кафе под названием «Кофе нации».

Не знаю, сколько детей может похвастаться тем, что рисовали в книгах-раскрасках вместе с Куртом Кобейном, но вот я могу. В «Кофе нации» приезжало много музыкантов и художников. Несмотря на то что ни отец, ни мать не имели музыкального образования и слуха, в «Кофе нации» каждую неделю выступала музыкальная группа, и некоторые из этих групп стали со временем известными, как, например, Nirvana.

Мы практически жили в «Кофе нации». После школы я приходила в кафе, садилась за мой собственный столик, отец варил какао, и я начинала делать домашнее задание. Уроки я заканчивала довольно быстро, потому что мне помогали музыканты. Надо сказать, многие из них очень хорошо «рубят» в математике, поэтому уже во втором классе я неплохо понимала дифференциальные и интегральные исчисления. Одним из моих учителей был Реджи, тело которого полностью покрывали татуировки. Со стороны он мог показаться бандитом, но на самом деле Реджи был милейшим парнем и тату-мастером. Он очень любил читать, всегда интересовался тем, какие книги мы проходим в школе, и обсуждал их со мной. Мне было всего восемь лет, когда мы с ним познакомились, и вскоре после нашего знакомства мы вместе прочитали роман «Ты здесь, Бог? Это я, Маргарет»^[5].

Когда мои сверстники жаловались на родителей, я вообще не понимала, как такое может быть возможным. Я тусила с родителями в кафе до тех пор, пока к вечеру мы с мамой не шли домой готовить ужин. Однажды мы с ней «замутили» ужин, в котором все блюда были фиолетового цвета (кстати, баклажаны, свекла и виноград – не самое плохое вкусовое сочетание). Мы ели поздно, когда отец возвращался из кафе.

Перед зимними каникулами в седьмом классе у мамы возникла идея. Она захотела на месяц уехать из города и провести время на пляже в Мексике. Мама поделилась своим

планом с папой, и уже через несколько дней приехала бабушка, которая целый месяц работала в «Кофе нации», пока мы расслаблялись на побережье Юкатанского полуострова и ели на завтрак рыбные тако. Согласитесь, далеко не все родители способны устроить ребенку такой отпуск и позволить ему пропустить пару недель школы.

Вспоминая детство, мне думается, что маму вообще не очень волновало мое образование. Отец относился к моей успеваемости гораздо более серьезно. Мама была словно зонтик после дождя, а вот роль папы можно сравнить с зонтиком во время дождя. Именно отец занимался всеми практическими вопросами воспитания и образования – он назначал время посещения докторов, когда я болела, собирал в школу обед и переживал по поводу моих оценок. Казалось, мама – мой сверстник, а папа – настоящий заботливый родитель. У мамы всегда были странности. Она, например, настаивала на том, чтобы мы на ночь вынимали из розетки все телефоны и оставляли включенным свет на первом этаже. Она говорила, так шпионам будет за нами сложнее следить. Иногда она спешно уходила в «Кофе нации», но появлялась в кафе через четыре часа и не была в состоянии объяснить, где так долго пропадала. Потом она порезала холсты всех своих картин, потому что «так ей приказал внутренний голос». После этого мы начали возить ее по врачам. Сначала ей поставили диагноз «пограничное расстройство личности», потом врачи сказали, что у нее паранойя, и наконец эскулапы сошлись на том, что у нее параноидная шизофрения. Однако мама отказалась признавать болезнь и не стала принимать никаких лекарств. Моя бабушка, мамина мама, переехала к нам из Калифорнии, чтобы заботиться о дочери, и настоятельно советовала отцу поместить мать в лечебницу, однако тот наотрез отказывался. «Не сейчас, она еще может поправиться», – говорил он. Я тоже надеялась, что мама выздоровеет. До самого конца, то есть до того дня, когда она от нас ушла.

После болезни мамы отец закрыл «Кофе нации» и устроился в компанию по производству программного обеспечения, в которой и познакомился с моей будущей мачехой. Мачеха – человек, который устраивает трагедию из ничего, например, если туфли не подходят к дамской сумочке. Через год после знакомства они поженились, и все, что было прекрасного в нашей семье, исчезло раз и навсегда. И вот тогда я поняла: нет больше никого, кто меня «прикроет». Я осознала это тогда, когда потеряла все.

Глава шестая

– Так как тебя сюда затащили? – спросила Биби. Этот разговор происходил во время очередного перетаскивания шлакоблоков. Осень пришла неожиданно, температура упала, и небо стало совершенно удивительного синего цвета.

– В смысле? – переспросила я.

Боковым зрением я заметила, как Ви улыбнулась. Ви и Биби постоянно друг над другом подшучивали. Я жила в одной комнате с Биби, и так как та много общалась с Ви, то и я часто оказывалась с ней в одной компании. К сожалению, временами все то, что я делала или говорила, сильно раздражало Ви.

– Кейси, ты уже познакомилась с новенькой?

– Мы даже пару раз друг другу «здратьте» говорили. – Кейси посмотрела на меня и спросила: – Как жизнь, кстати?

– Нормально, спасибо. Как сама?

– Отлично, – у Кейси был сильный техасский акцент. Я посмотрела на ее руки и поняла: она сильная, как ковбой на ранчо.

– Я имею в виду, как тебя сюда затащили, – переспросила Биби.

– Отец привез, – объяснила я. – А какие еще могут быть варианты?

– Привезли с эскортом и ветерком, – резюмировала Биби.

– Меня развели как дуру, – призналась я. Услышав ответ, Ви рассмеялась мне в лицо.

– Перестань, Ви, – с укоризной заметила Кейси. – Заманили сюда обманом, я бы сказала. Устроили что-то типа похищения. Меня ночью из кровати забрали, в наручниках, по полной программе. Я вообще была уверена в том, что это похищение, пока не увидела, как из окна за мной наблюдают родители.

– Тебя увезли сюда потому, что ты лесбиянка?

– Ну да, так они думают.

– А ты на самом деле?..

– Нет, я би. Но даже не мечтайте, что я на вас западу. Вы же не кидаетесь в объятия первого попавшегося парня, – ответила она.

В этом Кейси была совершенно права. Я вообще никому в объятия не кидалась. Просто тихо сохла по Джеду, и все тут.

– Видишь, Кейси уже прочитала вступительную лекцию на тему гомофобии. Ты близко к сердцу не принимай. Это ее «конек». Ее просто несет, и она остановиться не может, – заметила Биби.

– Нет, добрая половина девушек считает, что я на них «запала», – объяснила Кейси. – Я на них вообще внимания не обращаю. Даже не считаю, что они красивые.

– Тебя на самом деле самым страшным образом вывезли, Кейси.

– Брит, – сказала Биби, – так, значит, тебя доставили с эскортом. Это совершенно нормально, многие так сюда попали.

– А тебя, Ви, тоже родители затащили?

– Родитель в единственном числе. Отец с нами не живет. Я теперь с матерью, но, так как здесь поблизости нет отелей типа Four Seasons, она в этих местах ни за что не появится. А твои родители богатые? – спросила меня Ви.

– Этот вопрос не имеет к тебе никакого отношения, – ответила я. Я догадывалась, что

Ви из богатой семьи. Было ощущение, будто от нее пахнет деньгами.

– Не злись, новенькая. Я спросила только потому, что, если бы они были богатыми, им бы твое пребывание обошлось в копейку. Страховка покрывает только три первых месяца в Ред-Роке. Если ты из бедной семьи, то совершенно неожиданно после трех месяцев в заведении становишься ученицей Шестого уровня и тебя быстренько выдворяют восвояси. Происходит чудесное исцеление. Но если ты богатенькая и твои родители продолжают платить, то тебя могут оставить надолго. В этом случае я тебе совсем не завидую.

– Ой, не перегибай палку, Вирджиния! Это возможно до восемнадцати лет, – ответила Биби и, увидев удивление на моем лице, добавила: – Когда ты становишься совершеннолетней, они не имеют права тебя здесь держать.

– А вы в Ред-Роке как долго? – поинтересовалась я.

– Я – полгода, – ответила Кейси. – Родители мои не богатые, но они очень хотят меня «вылечить».

– А я четыре месяца, – сказала Биби. – Я совершенно уверена, что меня будут долго «мариновать» или здесь, или в каком-нибудь другом подобном заведении. Я до этого жила и училась в интернатах. Ну а в ИЗП я впервые.

– Что такое ИЗП?

– Исправительное заведение с проживанием, – ответила за нее Ви. – Все называют это место «школой», но на самом деле это дурдом для детей с проблемным поведением, практически исправительный центр, в котором содержат никому не нужных подростков.

Она сказала это таким неприятным тоном всезнайки, что мне захотелось бросить кирпич ей в лицо. Мне было ужасно горько, ведь отец по собственной воле привез меня сюда.

– Нет, – с вызовом в голосе возразила я, – папа никого не хотел сдавать в дурдом для детей проблемного типа.

– Ясен пень, – ответила Ви. – Он просто хотел, чтобы ты отдохнула на природе и набралась сил.

– Не об отце разговор, – вставила Биби. – Не забывай, она Золушка. Ее сюда мачеха уpekла.

– Уверена, твоя мачеха читает журнал «Стиль жизни», – заметила Кейси.

Она была совершенно права, мачеха действительно читала этот журнал. Говорила, ей в нем нравятся рецепты.

– Ред-Рок дает в этом журнале рекламу, в которой специалисты обещают исправить проблемных детей и сделать это быстро, – сказала Биби. – Но не стоит ее судить за это, потому что по рекламе может показаться, будто речь идет о санатории.

– Поэтому местное руководство предпочитает, чтобы детей привозили с эскортом из посторонних людей, а не сами родители. Они не хотят, чтобы заведение увидели во всей его красе, – объяснила Кейси.

– По тем же причинам здесь читают всю переписку учеников. Чтобы они не жаловались, – сказала Ви. – В рекламном проспекте есть даже небольшая глава, в которой родителей предупреждают о том, что дети будут жаловаться: к ним плохо относятся, и бла-бла. Получается, мы врем, и это тоже часть нашего заболевания. Так что здесь не совсем дураки сидят. Они понимают: задницу надо чем-то прикрыть.

– Бог ты мой, да это просто ГУЛАГ!

– Брит, это первая здравая мысль, которую ты озвучила, – сказала Ви и кончиком пальца

постучала себе по лбу. – Впрочем, в каждом лагере есть свои потайные ходы для побега.

– Что ты имеешь в виду?

– Существуют способы как можно бороться с системой.

– Что?!

– Не гони лошадей, новенькая, не торопись. Все со временем узнаешь, – ответила Ви.

– Все со временем откроется, – уверила Биби.

Кейси сложила вместе ладони, как тибетский монах, которому известны все секреты Вселенной, и медленно поклонилась. Мы рассмеялись. Это был первый раз, когда я рассмеялась в Ред-Роке. Охранники заметили, что мы веселимся, и приказали вернуться к работе.

Когда мы разговаривали во дворе, можно было подумать, что никто особо не обращает на нас внимания, но Биби оказалась совершенно права – со всех сторон нас подслушивали и за нами следили. Когда в следующий раз я пришла на встречу с доктором Клейтон, она заговорила со мной о Ви.

– Я слышала, ты много времени проводишь в компании с Вирджинией Ларсен, – сообщила доктор, – с той, у которой кличка Ви.

– Мы иногда вместе перетаскиваем шлакоблоки. Вот так мы с ней проводим время.

– Брит, можешь сколько угодно думать, что колкости и ирония тебе помогут, но это не так. Я бы не советовала слишком сближаться с Вирджинией.

– Почему? Она же уже на Шестом уровне, следовательно, должна оказывать на меня положительное влияние, – ответила я. Я никак не могла понять, кто эта Ви – друг или враг, правда, судя по предостерегающим словам Клейтон, она могла оказаться кем угодно, но не врагом.

– Да, Вирджиния действительно находится на Шестом уровне, однако она периодически портит себе жизнь и совершает поступки, в результате которых мы вынуждены понижать ее. Послушай, я хочу, чтобы ты дала слово и перестала с ней общаться. Если ты это сделаешь, то докажешь, что являешься достаточно ответственной девушкой.

– Достаточно ответственной для чего? – поинтересовалась я.

– Для того чтобы получить письмо от отца. Мы уже давно храним весточку от него, но ты психологически не была готова к этому.

Ничего себе! По какому праву она задерживала письма от отца? Мне ужасно захотелось схватить доктора за тонкую шею и оторвать ее глупую голову. Однако мне было нужно получить заветное письмо. Я наступила на горло собственной песне и прикусила губу. Я сказала ей, что обещаю обходить Вирджинию стороной, и доктор вручила мне письмо. Она, наверное, ожидала, что я вскрою конверт и прочту всё прямо перед ней, но этого не произошло. Я открыла письмо отца только после обеда.

«Дорогая Брит!

Я надеюсь, у тебя все хорошо. В Портленде наступила осень. Каждый день идет дождь. Кажется, что день такой короткий, и солнце садится сразу же после того, как встает. Не люблю это время года. Водосточные трубы забились листьями, и гостиную опять затопило. Твоей матери пришлось сделать небольшой ремонт.

Билли очень по тебе скучает. Он часто приползает в твою комнату – любит сидеть у ее двери. Он очень милый.

Твои приятели из музыкальной группы очень расстроились, что ты уехала. Джед и Денис несколько раз приходили к нам домой, пока я не объяснил им, где ты. Услышав эту информацию, Денис очень разозлилась. Мне кажется, я ее понимаю. Никому не нравится тот, кто разваливает коллектив. Джед спросил, может ли он написать письмо, на что я ответил, что тебе не разрешается получать письма от людей, не являющихся членами твоей семьи. Тогда он попросил меня написать тебе о песне, которую ты сочинила. Более того, он отказывался уйти до тех пор, пока я ему этого не пообещал. Он просил передать, что они не забудут песню «Светлячок», которую ты создала. Не очень понимаю всех этих разговоров,

ведь ты покинула группу, но я дал слово и сдержал его.

Ты, возможно, сейчас очень злишься на меня и твою мать, но я надеюсь, к тебе рано или поздно придет осознание – мы отправили тебя в интернат только потому, что очень сильно любим.

Я знаю, тебе пока нельзя отвечать на мои письма, но я надеюсь, ты напишешь, когда получишь разрешение на ведение переписки.

Хорошего Хеллоуина.

С любовью,

папа».

До этого во время сессий конфронтационной терапии меня никогда не вызывали в центр круга, однако через два дня после того, как я получила папино письмо, занятие решил провести сам Шериф. И, представьте себе, кого он сделал объектом насмешек и унижений? Он встал в центр и, показывая указательным пальцем на каждую из девушек по очереди, заговорил: «Ну что, кто из вас считает, что может спрятаться от правды? Ты? Ты? Или ты?» Потом он показал пальцем на меня и жестом вызвал в центр круга.

– Ну что, красавица, я не припомню, чтобы ты у нас здесь стояла. Я слышал, ты получила письмо от папы. Прокомментируешь нам это событие?

Я прекрасно знала, что должна была сказать. Я должна была выдать, что очень зла на отца за то, что он меня сюда засунул. На сессиях конфронтационной терапии девушки начинали с самых очевидных фактов. И если уж совсем по чесноку, то папино письмо действительно меня расстроило и разозлило, потому что отец преподносил все так, как будто заключение в Ред-Роке было моей собственной идеей, плюс он упорно называл мачеху моей матерью, словно его слова были в состоянии изменить правду. Я расстроилась еще и потому, что отец считал, словно группа Clod распалась и я из нее ушла. Но, с другой стороны, я понимала, почему все это происходит. Несмотря на то что я была очень зла на отца за то, что он меня здесь оставил, я понимала: сделал он это не по своей воле, а по воле мачехи. Кроме этого, я помнила, каким папа был раньше. Отец постоянно обо мне заботился и из-за меня переживал. Он сильно изменился после того, как заболела моя мать. Папа всегда был мягким человеком, как ребенок, обожал всё в этой жизни. А потом попал под каблук своей новой жены.

– Так, мне кажется, нашу красавицу надо немного расшевелить, – сказал Шериф. – Девушки, нужна ваша помощь. Попробуйте, может, вам удастся заставить ее заговорить. А то она так сильно разозлилась, что у нее аж кончики волос порозовели.

Девушки зашушукались. «Бог ты мой, – подумала я, – неужели пурпурные волосы – самое страшное, что им приходилось видеть в этой жизни?» Мне не кажется, что крашенные пряди являются формой социального протеста. У многих друзей моих родителей по «Кофе нации» волосы были самых неожиданных и ярких цветов. Когда я была маленькой, мама помогала мне красить пряди пищевыми красителями.

В принципе мне было совершенно все равно, что говорят вокруг. Мне было совершенно наплевать на мнение Шерифа, который в одинаковой степени выводил меня из себя и пугал. Я думала о содержании письма, которое написал мне отец, и имевшейся в нем важной информации. «Светлячок» – это действительно песня, но написала ее не я.

То, что я попала в группу Clod, мне всегда казалось каким-то чудом. Дело в том, что ее

члены: Джед, Денис и Эрик – были не только гораздо старше меня, но и гораздо лучше как музыканты. Джед играл на гитаре, Денис на басу, а Эрик на барабанах. Когда я попала в группу, мне было пятнадцать, и, если честно, играла я тогда просто из рук вон плохо.

Я начала учиться играть на гитаре для того, чтобы реже видиться с мачехой. После того как они с отцом поженились, она бросила работу, засела дома, принялась переставлять мебель и постоянно трюндеть по телефону со своей сестрой из Чикаго. В общем, вести себя так, словно я уже не имела к этому дому никакого отношения. Я стала задерживаться в школе после занятий. Часами сидела за чашкой кофе в дешевых забегаловках. Потом в один прекрасный день я купила подержанные электрическую гитару и усилитель, спустилась в подвал дома и начала пытаться играть по самоучителю, стараясь не вспоминать прошлое, когда учиться игре на гитаре мне помогало бы сразу двадцать музыкантов.

Через пять месяцев после этого эпизода я увидела в кафе объявление: «Панк-поп трио ищет музыканта, играющего на гитаре». Опыта у меня было мало, поэтому на прослушивании, которое проходило в доме Джеда, я очень нервничала. Причем как только я его увидела, то стала нервничать еще сильнее. Джед казался идеалом – высокий, с копной густых волос, которые загибались вверх на шее. У него были зеленые глаза. Я видела много симпатичных музыкантов во времена, когда у родителей было кафе, но Джед показался мне совершенно неземным красавцем. Я волновалась в его присутствии и воткнула гитару в усилитель, совершенно позабыв о том, что звук на нем вывернут на максимум. В комнате раздался оглушительный вой.

– Boy! – закричала Денис, девушка с крашеными волосами и смелым взглядом человека, с которым не стоит спорить.

– Отлично! – завопил Эрик. – Наконец-то мне уши «пробило»! Прощай, серные пробки! Усилитель изрыгал децибелы чудовищного звука.

– Можешь громкость убавить? – заявил Джед. Я стояла как столб и не шевелилась. Тогда парень сам подошел к усилителю и выключил его.

– Вот мы и определили, что ты хорошо играешь в стиле «нойз», – заметил он.

– Да, – ответила я, – выросла на Velvet Underground.

Джед улыбнулся.

– Вот и хорошо. Давайте сыграем их «Пустоши». Это очень простая мелодия. Послушай и вступи, когда почувствуешь, что готова.

Я послушала, как они играют, и вступила через пару минут. Вначале я лажанула пару аккордов, но потом совершенно неожиданно расслабилась и все пошло как по маслу. В то время я, вполне возможно, была самым плохим гитаристом в Портленде, но в составе той группы у меня все получалось.

Джед позвонил через несколько дней и сообщил, что они берут меня в группу.

– Видимо, на прослушивание к вам пришли самые нулевые музыканты, – пошутила я.

Джед рассмеялся. Даже по телефону я почувствовала теплоту в его голосе.

– Нет, – ответил он, – на самом деле мы прослушали несколько очень талантливых ребят. Но четыре идеально играющих музыканта совершенно не обязательно могут стать хорошей группой. Ты нам понравилась. И у тебя лучше всех остальных получается дисторсия.

– Спасибо, дисторсия – это мой конек, – ответила я и услышала, как он снова рассмеялся. – Если уж по чесноку, то должна сказать, что у меня не получается играть барре...^[6]

В трубке послышался тяжелый вздох.

– Над этим надо работать, – ответил он. – Барре – это важная штука.

Вскоре я начала играть в составе группы. Все шло так естественно и просто, что мне казалось, словно я всю жизнь провела с ребятами. После репетиций Денис с Эриком обычно поднимались вверх из подвала, чтобы выпить пива и что-нибудь съесть. Джед часто оставался со мной, чтобы помочь освоить те приемы, которые мне пока не удавались. Иногда он помогал правильно держать руку на грифе гитары, и я чувствовала, как кожу слегка покалывают волосы на его запястье. В эти минуты мне было очень сложно сосредоточиться на музыке, потому что мысли улетали совершенно в другую сторону.

Я каждый день по много часов репетировала у себя в подвале до тех пор, пока кожа на кончиках пальцев не задубела. Я начала играть значительно лучше. После того как я показала Джеду освоенное барре, он улыбнулся и сказал, что мне надо начинать петь.

– Но я не умею петь, – в ужасе ответила я.

– Перестань, умеешь.

– Нет, не умею.

– Послушай, Брит, открою тебе один секрет, – произнес Джед. – Когда ты в наушниках, то всегда поешь. Мелодии из рекламных клипов, все что угодно. И поешь очень громко.

– Реально, – заметил Эрик со смехом.

– Мы все тебя слышали, – добавила Денис. – У тебя нормальный голос.

После этого я начала исполнять пару песен. Потом стала писать тексты и принялась за музыку к ним. И вдруг Clod перешли на мои тексты и почти полностью на мою музыку. И я наконец заметила: Джед часто смотрит на меня, улыбается и кивает.

– Брит, тебе не спрятаться от реальности. Ты не страус, который засовывает голову в песок.

Я вздрогнула. Эти слова, произнесенные девчонкой по имени Кимберли, ученицей Четвертого уровня, вернули меня к реальности. Я заметила, как Шериф усмехнулся. Ему понравилась шутка Кимберли, за которую он, вполне возможно, переведет ее на Пятый уровень.

– Это точно. Рано или поздно тебе придется разобраться со своими проблемами, – заметил Шериф. – Так что не трать попусту наше время. Момент истины должен наступить. Верно, красавицы?

– Ох, верно.

– И он скоро наступит.

– Ох, наступит.

– Посмотри на себя в зеркало.

Они продолжали громко говорить, но я отключилась и вернулась мыслями в прошлое.

Я прекрасно понимала, что совершенно бесполезно влюбляться в Джеда. После каждого нашего концерта у служебного выхода из кафе или бара его поджидало несколько модных девчонок с клевыми челками, в прикольных очках и с пирсингом в носу. Пока мы грузили в машину инструменты, Джед мог поговорить с одной из них. У него были подружки из числа фанаток группы, но ни одна из них с ним долго не задерживалась. «Вот видишь, – думала я, – лучше быть его протеже, младшей сестрой, чем пару раз с ним переспать и потерять его навсегда». Вот такими мыслями я себя утешала.

Я была очень рада тому, что стала играть в группе. В особенности после того, как мачеха забеременела. Из-за этого минимальное уважение из наших с отцом отношений

полностью исчезло. Я почувствовала очевидное – мачеха воспринимает меня как конкурентку. Она начала при мне жаловаться отцу на то, что я плохо учусь, поздно прихожу домой и вообще слишком молода для того, чтобы играть в группе.

Скажу честно: группа Clod оказалась единственным сдерживающим от самоубийства фактором и смыслом всей моей жизни. Если бы я не была в компании с музыкантами, то наверняка уже давно утопилась бы в реке. Я не шучу. Я предчувствовала самое неблагоприятное развитие событий и часто начинала рыдать во время репетиций или запарывала песню, которую прекрасно знала. В какой-то момент я даже была уверена, что меня выгонят из группы, но каждый раз после моего очередного срыва Джед приносил мне кофе и музыканты терпеливо ждали, пока я успокоюсь. Денис начинала играть на басу какую-нибудь мелодию и напевать выдуманную на ходу песню про мачеху, а Эрик, чтобы меня поддержать, неизменно предлагал курнуть из бонга.

Я жила ради наших репетиций и выступлений. Мы садились в микроавтобус Джеда и ехали в мексиканский общепит, чтобы подкрепиться бурито перед концертом. Чаще всего мы выступали на частных вечеринках, в кафе и иногда в клубах или барах для публики старше двадцати одного года. Во время концертов мне было приятно видеть, что людям нравится наша музыка. У меня появлялось чувство эйфории, похожее на то, когда я играла с группой впервые, только во много раз сильнее. После выступления мы собирали инструменты и заезжали в ресторан сети «Деннис», чтобы «оторваться» на только что испеченных блинах и свежесваренном кофе. С группой я чувствовала себя словно в кругу семьи.

В тот день, когда мачеху увезли в роддом, у меня было страшное предчувствие: как только она родит, в сердце отца больше не останется для меня места. В тот день я не могла усидеть дома и, конечно, не собиралась ехать в роддом, поэтому села на велосипед и укатила куда глаза глядят. Только оказавшись рядом с домом Джеда, я поняла, куда направлялась. Это был редкий мартовский день, когда в Орегоне тепло и небо над головой ярко-синее. Джед сидел на крыльце дома и настраивал акустическую гитару. Я не хотела, чтобы он меня заметил, развернулась и собиралась отправляться назад, как услышала его голос: «Ты что, даже не заглянешь? Раз уж приехала, то заходи, поболтаем».

Я прислонила велосипед к крыльцу и поднялась по ступенькам. Видимо, все мои проблемы и переживания были буквально написаны на моем лице. Джед увидел, в каком я состоянии, и обнял меня. Я заплакала так сильно, что рукав его майки весь промок. Он не стал задавать никаких вопросов, а дал выплакаться и гладил меня по волосам, приговаривая: «Все будет хорошо, все будет хорошо». Потом он вынес на крыльцо две чашки кофе и полотенце, чтобы я могла вытереть лицо.

– Спасибо, – поблагодарила я. – Мачеха рожает.

Джед кивнул.

– Именно так я и подумал.

– Так что мое положение явно не улучшится. Не знаю, как дальше жить.

Я никогда не рассказывала членам группы о судьбе своей матери, но мне казалось, что все понимали: с ней что-то произошло. Об этом можно было догадаться, читая между строк песен, которые я написала.

– Ты все выдержишь, – тихо сказал он.

– У меня в этом нет никакой уверенности. Ты обратил внимание на то, в каком состоянии я в последнее время нахожусь?

Он нахмурился.

– Я понимаю, тебе несладко. Но знаю, ты сильная.

– Ну да. Просто герой из комиксов про Железного человека. Или, скорее, про Девушку-Плаксу.

Джед свел брови.

– Перестань. Я знаю, ты сильная. Ты гораздо сильнее, чем думаешь.

Потом мы долго говорили и слушали музыку. Он ставил любимые хиты из своей музыкальной коллекции, а я – U2 и Боба Марли, под которые в детстве танцевала с матерью. Он проигрывал песни Фрэнка Синатры, Джоан Арматрейдинг и другие вещи, которые я никогда не слышала. Потом он рассказал о том, что летом в Массачусетсе появляются светлячки.

– Никогда в жизни не видела светлячков, – призналась я.

– Правда?

– Ну да. В Орегоне они не водятся. У нас тут только слизняки.

– Я уже заметил. Сейчас, секунду, – сказал он и вышел в гостиную, принес очередную пластинку и поставил ее на вертушку. – Это American Music Club, вполне возможно, самая меланхоличная группа в мире. Я думаю, тебе понравится их творчество.

Он выбрал песню под названием «Светлячок». Вот так она начиналась: «Давай, красавица, сядем на лужайке перед домом и будем смотреть, как летают светлячки на закате. Они живут недолго, совсем недолго. Мы будем смеяться и смотреть на закат». У исполнителя был удивительно грустный голос. Мне казалось, певец прекрасно знает, как я себя чувствую. И по тому, что Джед поставил, он показал мне, как сильно меня понимает.

Потом Джед пропел припев: «Ты такая красивая, я не видел никого тебя красивей, ты такая красивая, ну, куда же ты делась?» Он пел и смотрел на меня, и, честное слово, я ощущала, будто между нами что-то есть – появилась какая-то связь. Казалось, нас двоих «прокачивает» поток мощной энергии. Дыхание перехватило. Песня закончилась, и Джед с улыбкой посмотрел на меня. Я очень хотела его поцеловать и придвинулась чуть ближе, но он сам нежно поцеловал меня в лоб и прошептал: «Тебе, наверное, пора домой. Уже поздно».

Я мечтала остаться с ним, обнять и прислониться лицом к его груди. Я хотела растаять в объятиях. Но он меня не обнимал, и поэтому мне не хотелось испортить самый романтичный момент моей жизни.

И я ушла. А на следующий день привезли Билли, и я стала совершенно лишней. Отец и мачеха занимались младенцем, который только ел, плакал и какал.

На репетиции Джед, как обычно, вел себя как джентльмен, не подавал виду, будто произошло нечто странное во время нашей прошлой встречи. Я вновь почувствовала себя его младшей сестрой. По крайней мере, так мне казалось до письма, полученного от отца.

– Мне кажется, нашу красавицу надо расшевелить, – произнес Шериф. Показывая пальцем на одну девушку за другой, он остановил свой выбор на Вирджинии, у которой была репутация человека, умеющего найти самые больные точки несчастной жертвы во время сессий конфронтационной терапии.

– Мисс Ларсен, – сказал Шериф, – вы последнее время много общались с нашей красавицей. Что скрывается за ее симпатичным личиком? Интересно, что у нее на душе?

Я почувствовала на себе внимательный и твердый взгляд Вирджинии, перестала теребить прошлое и вернулась в настоящее. Вспомнила советы, которые давала мне Ви, и представила, что она думает обо мне сейчас: «Не будь слишком гордой. Дай голодным собакам кусок мяса, дабы они тебя целиком не съели». И я знала, что Ви совершенно права.

У меня к тому времени было достаточно опыта, чтобы понять, как проходят сессии конфронтационной терапии, – жертва должна признаться, расплакаться, и только после этого ее оставляли в покое. Но я боялась: если открою рот, то произнесу то, о чем потом пожалею.

– Ты думаешь, что ты крутая, – твердым голосом произнесла Ви. – У тебя пирсинг и панковская прическа. Но волосы отрасли, краска поблекла, и твой пирсинг исчез. Так кто же ты сейчас? Да просто обычная девчонка с парой татуировок. Ты – никто. – Ви внимательно смотрела мне прямо в глаза, и я поняла ее тактику. Она хотела сбить собак со следа, бросить им кость, чтобы они остались довольны, дать им мелочь, чтобы уберечь главное. Я четко поняла, Ви – мой друг.

– Думаешь, что сильная, но я слышала, как ты плачешь, и видела твои слезы, – с вызовом в голосе заявила Тиффани. Возможно, я раньше и плакала по ночам, но со мной уже давно этого не случалось, поэтому я посмотрела на нее с таким испепеляющим презрением, что мне показалось, будто эта дура сама сейчас расплачется.

Потом несколько других девушек высказали пару идей, от которых мне стало ни холодно ни жарко. Я вспомнила, Джед говорил мне, что я сильная, и я нашла в себе эту силу. Я вызывающе смотрела обидчикам в глаза, не отводя взгляда. Без кислорода затухнет даже самый большой костер, и у Шерифа не хватило бы терпения мучить меня долго. Некоторые ведущие сессии могли держать жертву в центре круга целый час, но Шерифу все надоело уже через десять минут. Видя, что ученицу не сломать, он жестом вызвал меня из круга и прекратил экзекуцию. Я поняла: за такое поведение меня могут понизить до Второго уровня, но мне было совершенно плевать.

– Мисс Воллас, – произнес Шериф и показал пальцем на толстушку Марту, жившую со мной в одной комнате. Я знала, что на сессиях конфронтационной терапии больше всего достается девушкам с лишним весом, проблемы которых были видны с первого взгляда и ранить которых было легко. Шериф выбрал самую легкую добычу. Все находящиеся в комнате девушки словно воспрянули духом, как собаки, увидевшие новую цель. Они хотели отыграться, потому что им не удалось сломать меня. Я почувствовала неизбежное – Марте придется несладко.

– Привет, толстуха.

– Курдюк сала. Ты че так много жрешь?!

Некоторые девушки начали хрюкать, как свиньи. Шериф самодовольно ухмылялся. Он много раз говорил, что прежде, чем человека исправить, его надо сломать. Если бы кто-то в моей школе в Портленде позволил себе высказывания, подобные тем, которые пришлось выслушивать Марте, то его или ее исключили бы. Однако в Ред-Роке откровенное хамство называлось «терапией». Марта стояла, опустив глаза и переминаясь с ноги на ногу. Девушки соревновались, кто нанесет ей самое колкое и неприятное оскорбление. Все стремились растоптать ее, смешать с землей. Ученицы «отрывались» на толстушке. Точно так же, как и я, она молчала, но в отличие от меня смотрела не на обидчиц, а на пол; прямое свидетельство ее слабости заметили все. Она стояла ко мне спиной, и я не видела ее лица, поэтому даже не подозревала, что Марта плачет, до тех пор пока не увидела, что слезы каплют на пол. Обычно, как только жертва начинала плакать, ее милостиво отпускали, хлопали по плечу и подбадривали, но на этот раз Марте дали только салфетку, чтобы она вытерла слезы.

Вечером в кафетерии я села рядом с Мартой, которая обычно точно так же, как и я, ела в одиночестве. Совершенно неожиданно за наш стол пришли Биби, Кейси и Ви.

– Прости, Марта, – сказала я. – Это я виновата в том, что тебе так сильно досталось.

– Нет, это не так, – произнесла Ви, лицо которой покраснело от сдерживаемого гнева. –

Никто из вас не виноват в произошедшем. Здесь жестокость называется лечением. Поэтому многие девушки выходят отсюда еще более уязвимыми и разбитыми, чем когда приехали.

– Сегодня был просто мрак, – заметила Биби. – А я-то считала, что слово «шлюха» – это самое страшное обвинение, которое можно придумать.

– А мне кажется, ты «оторвалась» и хорошо повеселилась, – сказала ей Кейси.

– «Шлюха» – звучит почти как комплимент. В наше время так можно назвать практически кого угодно.

Марта уставилась на содержимое своей тарелки.

– Я вот одного не понимаю, – тихо сказала она.

– Чего именно? – спросила я.

– По идее я должна худеть, но при этом кормят меня вот этой гадостью, – ответила Марта, показывая на тарелку, на которой лежали рыбные палочки и переваренные склизкие овощи, густо заправленные дешевым маргарином. – От такой еды я только буду набирать вес, а если откажусь это есть, меня накажут.

Марта горько расплакалась.

Бедная Марта! Действительно, кормили в Ред-Роке просто ужасно. Местную еду я бы точно не назвала «здоровой пищей». Потчевали нас практически только замороженными продуктами: гамбургерами, сделанными из весьма сомнительного мяса, куриными наггетсами, пиццей, бурито, рыбными палочками и мороженым, сделанным из чего угодно, но только не из сливок или молока. Из овощей давали противный вялый латук и безвкусные парниковые помидоры. В общем, еда была такой невкусной, что я часто питалась только бутербродами с арахисовым маслом и виноградным желе. Девушкам с лишним весом доставалось больше всех. Они словно жили между двух огней или между молотом и наковальней – руководство не одобряло, когда они ели слишком много, но если они начинали есть слишком мало, их обвиняли в том, что они морят себя голодом. Марте надо было сбрасывать вес, но при этом она должна была съесть все находившееся у нее на тарелке.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Как и многие другие праздники, этот день в США отмечается в «привязке» к выходным, в данном случае к первому понедельнику сентября. – *Здесь и далее прим. пер.*

Район, расположенный на западе Лос-Анджелеса.

В английском языке сокращение из двух букв ВВ.

Брит – сокращенно от Британия.

Are You There God? It's Me, Margaret (*англ.*) – роман американской писательницы Джуди Блум, написанный в 1970 г.

Барре – специальный прием, во время которого указательный палец левой руки зажимает на одном ладу сразу все струны или несколько. Для простоты можно сказать, что разговор идет о разучивании аккордов.